

ВАТИКАН И КВИРИНАЛ

Одно время могло казаться, что в борьбе между католицизмом и фашизмом наступило некоторое затишье. Однако, несмотря на первоначальные попытки обеих сторон смягчить назревший конфликт — борьба в действительности не прекращается.

В опубликованной 4-го июля «Оссерваторе Романо» энциклике, Папа Пий XI говорит о фашистских гонениях на союзы католической молодежи и студенческие объединения, состоящие под общим руководством «Центра Католического Действия». Папа протестует против «попытки монополизировать молодежь... в целях полного и исключительного господства одной партии, единого режима, на основе единой идеологии, явно сводящейся к подлинной и своеобразной языческой **статодатрии** (культу государства), находящейся в полном противоречии как с естественным правом, так и сверхестественными правами церкви»... «Несовместимо с католической доктриной претендовать на то, чтобы церковь и Папа ограничивались внешними религиозными обрядами и чтобы воспитание в целом принадлежало государству».

Латеранский договор явился первой, после событий 1870 г., попыткой нормировать жизнь церкви и отграничить ее социальные функции от государства; последние события лишней раз указывают на то, насколько сложна и, быть может, даже неразрешима эта проблема.

Моральное влияние католицизма в Италии всегда было велико. Фашизм пошел на соглашение с Ватиканом имея ввиду опереться на двухтысячелетний престиж и огромный авторитет церкви; кроме того, союз с главой мирового католичества выводил фашизм из его чисто-итальянского «провинциализма» и выдвигал его на роль некоего «всевропейского» (если не всечеловеческого) фактора. Святой Престол благосклонно принял

руку примирения, протянутую ему государством, рассчитывая при поддержке фашистской власти еще более упрочить свое влияние в стране. Казалось, правительство широко пошло на встречу церкви: восстановление преподавания Закона Божия в государственных учебных заведениях, привлечение духовенства к участию в национальных торжествах, закон о наказуемости кощунства и оскорбления церковной иерархии, введение института капелланов в войсках, наконец, объявление католичества господствующей религией Италии — все внешне говорило за прочность примирения и сотрудничества церкви с государством.

Но гармония эта была только внешней, призрачной, в глубине же оставалась бездна противоречий, возникающих из различного понимания социальной роли церкви. Для фашизма миссия католической церкви должна была ограничиваться национальным культом, не больше. Католицизм должен быть религией прежде всего итальянской. Такова римская традиция. Он должен содействовать новому расцвету латинского универсализма. Но Ватикан не мог отказаться от своей традиционной миссии христианского универсализма, далеко выходящего за пределы всякой национальной религии. Таким образом создалась обстановка перманентного конфликта этих двух универсализмов: — теократии церкви и государственного абсолютизма.

В этом противоположении сил явлена одна из многих перипетий борьбы двух аспектов власти за преобладание в обществе. Идеологическая сущность конфликта исключает возможность каких бы то ни было существенных компромиссов. После разгрома враждебных политических партий, фашизм фатально подошел к важнейшему вопросу — к религии. Еще не претендуя, подобно большевизму, на полноту религиозного учения, итальянский синдикализм неизбежно закрепляет за собой идеологическое воспитание молодежи, справедливо видя только в ней залог своей жизненности. То, что недавно еще казалось возможным только в СССР, поход на церковь, становится реальностью в Италии; это еще раз подтверждает идеологическое родство всех диктатур. Борьба Ватикана со Священно-Римской Империей закончилась в пользу первого; католическая церковь выросла в могучий международный механизм, Империи по-

гибли, — Ватикан существует. Однако сейчас борьба ведется в другой мировой обстановке и с другими силами, — поэтому не легко предвидеть ее конечные результаты.

Чрезвычайная сложность создавшейся в Италии обстановки усугубляется присутствием «некоей третьей силы». После разгрома партий и организаций, враждебных фашизму, так называемые «антифашисты» утратили всякую почву для «легальной борьбы» с режимом. Только католическая церковь сохранила свои общественные организации, группирующиеся вокруг Центра Католического Действия. Мало по малу «антифашистская оппозиция» осуществила свою глубокую инфильтрацию в недра церковных объединений, продолжая там вести политическую работу преимущественно среди молодежи. Покуда эта деятельность не выходила наружу, фашистская власть сохраняла некоторую свободу за католическими общественными организациями, но в последнее время «третья сила», подготовив достаточно почву для своего влияния, перешла к более активной оппозиции, пользуясь целой сетью существующих церковных союзов. В ответ на эту новую тактику фашисты ответили репрессиями, вызвавшими в свою очередь протесты Ватикана и т. д. В результате сферы равно чуждые и католицизму и фашизму способствуют обострению конфликта, стремясь использовать католическую общественность, как средство борьбы с фашистским строем. Конечно, в высшей степени переплетенные нити политических влияний не позволяют дать более конкретных определений реальных факторов итальянских событий; однако политический кризис, пережитый Италией в 1921-22 годах достаточно наглядно показал бессилие католической партии бороться с марксистской опасностью; нет данных предполагать, что церковная общественность способна создать нечто независимое в области социальной — не имея своей самостоятельной государственной идеологии, она неизбежно подпадет под влияние организованных сил «антифашизма».

Учитывая эти обстоятельства и невозможность использовать Ватикан в государственных целях, фашизм был вынужден еще более резко изменить свою политику по отношению к церкви.

Фашистская директория опубликовала 14-го июля свою

декларацию — ответ на последнюю энциклику; этот документ гласит:

«Фашистская Директория горячо протестует против заявления недавней папской энциклики, согласно которой присяга Черных Рубашек приносится за хлеб, карьеру и жизнь. Черные Рубашки доказали, что они способны жертвовать хлебом, карьерой и даже жизнью, когда это нужно для родины и фашистской революции. Это обвинение кроет в себе острое оскорбление, которым хотят унижить их жизнь и без того отягощенную жертвами. Фашистская партия не является партией подобной другим, прошлым и настоящим, но организацией боевой, имеющей воинские цели, совершившей революцию и являющейся носительницей высокого долга ее защиты против кого-бы то ни было.

Директория фашистской партии, опираясь на факты, с неодобованием отклоняет утверждения, содержащиеся в последнем призыве к иностранной партии Ватикана, согласно которому франк-масоны проникли в первые ряды партии. Поведение партии в этом вопросе было и есть вполне определенное: — общеизвестно, что священник Стурцо эмигрировал в Лондон и что великий мастер масонства находится в тюрьме на островах. Директория Фашизма стоит на страже, дабы воспрепятствовать остаткам демо-масонов и либералов, какими бы-то ни было путями, снова взять в свои руки какое-бы то ни было движение, хотя бы и вне рамок режима находящегося.

Но, подтвердим это, Директория Фашизма констатирует неслыханный союз, фатально заключенный между Ватиканом и масонством, связанными в настоящее время общей враждебностью к фашистскому Государству».

Подобная декларация свидетельствует о напряженности фашистско-католических взаимоотношений; при создавшейся обстановке трудно ожидать примирения между церковью и государством в Италии. И если первые эксцессы, отчасти, были вызваны желанием фашистской партии подчеркнуть свою идеологическую независимость от католичества, без намерения нарушить условия латеранского конкордата, то дальнейшие события показали нежелание Ватикана придать забвению, в сущности незначительные, инциденты.

Борьба эта указывает на жизненную несовместимость двух абсолютных идеологических авторитетов в едином человеческом обществе. Государство, не опирающееся на определенную религиозно-социальную доктрину, — беспомощно в своей борьбе с церковью. Но и церковь не в состоянии обеспечить все социальные функции государственной жизни. Опыты чистых теократий были большей частью неудачны и сравнительно не долговременны (парагвайские редункции иезуитов). Потерпев неудачу в своей попытке использовать католицизм, как национальную религию, фашизм логически придет к необходимости противопоставить влиянию Ватикана некую своеобразную религиозно-социальную идеологию, за неимением которой он не сможет выполнить взятую им на себя роль национальной религии; католическая церковь подчеркивает со своей стороны свой традиционный универсализм и новые трения между Ватиканом и Квириналом несомненно будут способствовать упрочению международного престижа первого. Папа «пленник в Риме» всегда будет пользоваться большим духовным авторитетом, чем Папа — «первосвященник Италии».

Идеократическое общество, озаренное внутренним религиозным светом, повидимому, призвано заменить «аполитическую внешнюю церковь» и «религиозное государство». Только Идеоправство сможет совместить в одном организме все религиозно-социальные функции общественной жизни. Будущее принадлежит Христианству, но не какому-либо отдельному вероисповеданию, а Христианству новому, раскрытому в плане социальном, совмещающему в себе всю стройную иерархию духовных ценностей человеческой культуры, способному одухотворить общественную жизнь, озарить лучем света Высших Миров страждущее человечество и дать ему верный общий путь к социальному преображению.

Н. Ладов